

Гадания по псалтыри

В комментариях к *Повести временных лет* Д. С. Лихачев отметил, что в древней Руси часто пользовались для гаданий псалтырью. Гадающий раскрывал наугад книгу и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были¹. В последующем представление о распространенности гаданий по псалтыри стало общим местом в исследованиях *Поучения* Мономаха, хотя письменные свидетельства и не дают оснований для такого вывода. Кроме «гадания» Мономаха с подобным случаем мы встречаемся еще один раз в рассказе Галицко-Волынской летописи об основании города Каменца Владимиром Васильковичем в 1276 г.² К тому же, при внимательном прочтении обоих свидетельств, оказывается, что, во-первых, «гадания» совершались не только по псалтыри, но и по книгам биб-

лейских пророков, а, во-вторых, считать такое испытание книг гаданиями можно только весьма условно.

По существу, речь может идти о поиске в книгах ответов на волновавшие князей, в данном случае Владимира Мономаха и Владимира Васильевича, вопросы. И книги они раскрывали не наугад, как полагал Д. С. Лихачев, а целенаправленно, отыскивая в них нужные им высказывания или пророчества.

«И вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня»³. Далее Мономах объясняет, что он «собрах словца си любая и складохъ по ряду и написах»⁴. Из последующего текста следует, что *словца* собраны не только с той «случайно» открытой страницы псалтыри, но и с последующих, а кроме того присовокуплены к ним еще и *словца* из *Поучения* Василия Великого, пророчеств Исаии, а также из молитвословий. Из них он и соткал свое пространное *Поучение* детям. И, конечно же, не *сидя на санех*, а в тишине княжеской ризницы, имея под руками целую библиотеку книг.

Еще определеннее о заданности так называемого гадания по книгам свидетельствует летописная статья 1276 г.:

И посемь вложи Богъ во сердце мысль блугу князю Володимерови, нача собѣ думати, абы где за Берестьемъ поставити городъ. И взявъ книги пророческия, да тако собѣ во сердце мысля... И на томъ стану розьгнувъ же книги, и выняся ему пророчество Исаино⁵.

Дальше летописец цитирует пророчество (Ис. 35.1–10), прибавляя, что в пустыне вечной будут «воздвигнути города пусты, запустевшая отъ рода»⁶.

Как видим, не книжные «гадания» натолкнули Владимира Васильковича на мысль заложить город, а мысль, вложенная ему в сердце Богом, подвигла его обратиться к книгам. Видимо, чтобы оправдать обращение князя именно к такому пророчеству Исаии, летописец, коим несомненно, был епископ владимирский Евсигний, вынужден был найти ему параллель в древнерусской современной жизни. При этом пришлось несколько погрешить против правды.

Князь же Володимѣрь отъ сего пророчества уразумѣ милось Божию до себе, и нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставити городъ. Си же земля опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ, ныне же Богъ воздвигну по милостью своею⁷.

Жанр требовал от Евсигния сравнения Вольни с «пустыней вечной» и он его привел, хотя уже следующая фраза ставит под сомнение корректность такой аналогии. «И посла Володимиръ мужа хитра, именовемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его многи города рубя»⁸. Не исключено, правда, что определенное основание для обращения к пророчеству Исаии давало то, что по приказу Бурундая вольнские города были лишены в 1261 г. своих укреплений. Но это вряд ли имело роковые последствия для последующего их экономического развития. Примечательно, что сообщив о сожжении укреплений Владимира, летописец тут же пере-

шел к рассказу об обеде Василька и Бурундая на княжеском дворе. «И нача обѣдати у Василка на дворѣ, и пити»⁹.

Как правило, говоря о распространенности обычая княжеских гаданий по псалтыри, исследователи истоки этой традиции видят в византийской истории. В летописи Феофана под 614 г. читаем:

*При наступлении зимы он (император Ираклий — П. Т.) советовался о зимних квартирах для войска своего; одни указывали на Албанию, другие советовали преследовать Хозроя. Цесарь приказал воинам очиститься святынею в продолжение трех дней, и потом раскрывши святынею еванглия, нашел указание зимовать ему в Албании*¹⁰.

Следовательно, и в том исходном случае речь идет не столько о гадании Ираклия, сколько о поиске им в евангелии оправдания решения, к которому он внутренне уже пришел ранее.

В заключение данной заметки хотелось бы обратить внимание на сходство свидетельств о «гадании», содержащихся в *Поучении Мономаха* и в рассказе об основании города Каменца Владимиром Васильковичем. Причем, не столько содержательное, в чем нет особой неожиданности, сколько литературно-стилистическое. «Вземь псалтырю в печали, разгнухъ я» (Поучение), «И взя книги пророческие... и на томъ стану разгнувъ книги» (статья 1276 г.), «И то ми ся выня» (Поучение) и «и выняся ему пророчество Исаино» (статья 1276 г.).

Создается впечатление, что Евсигний имел в своей владычной библиотеке список *Поучения Мономаха* и именно оно подвигло его на сочинение сходного сюжета применительно к своему князю, тоже Владимиру. Если учесть, что по тексту *Галицко-Волынской летописи* имеется много парафраз из киевской летописи, а также из *Слова о законе и благоодати* Илариона, предположение о том, что волынские летописцы имели в своих руках и *Поучение* не кажется экзотически невероятным.

1 ПВЛ. Ч. 2. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 435.

2 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 875.

3 ПВЛ. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 153.

4 Там же.

5 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 875.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же. Стб. 859.

10 Цит. по: А. С. Орлов. *Владимир Мономах*. М.; Л., 1946. С. 122.